

Глава 7. Танец с мечом

Хуа Маньлоу и Лу Сяофэн и не помышляли покидать Терем, подпирающий небеса. Раз остался первый, то и второй, разумеется, никуда бы не ушёл.

Шэнь Бумянь убрала узкое лезвие в рукав и проговорила:

— Молодой господин Хуа, если не побрезгуете, прошу вас пройти со мной в боковой покой — нужно смазать рану целебным бальзамом. Пусть острое вошло неглубоко, негоже оставлять её так. Я... я, право, кругом виновата перед вами.

В голосе её по-прежнему струилась нежность, чистая, как весенний ручей.

Хуа Маньлоу лишь мягко улыбнулся:

— Хорошо. Но я сам решил не уклоняться, так что вашей вины здесь нет.

Он чувствовал: ей нужно что-то сказать ему с глазу на глаз. И отказывать не собирался.

Лу Сяофэн тем временем не сводил глаз с Е Букэ. Тот выглядел хуже некуда. Едва Шэнь Бумянь заговорила, юноша побледнел — не той бледностью, что бывает у людей его лет, а какой-то мертвенной серостью. Впрочем, Сюй Буэ и Сюй Бусю, казалось, ничего странного не заметили.

Они проводили взглядами Хуа Маньлоу и Шэнь Бумянь, которые, миновав главный зал, скрылись в переходах, ведущих к боковым пристройкам.

— Прошу, господа, обождите немного, — донёсся голос девы Шэнь. — Я лишь провожу молодого господина Хуа и тотчас вернусь.

Хотя оба они были лишены зрения, двигались так уверенно, что случайный прохожий ни за что бы не поверил в их слепоту. Шли один за другим: статный, благородный муж и красавица, чья прелесть могла бы посрамить лучшие полотна мастеров — так гармонично и живо они смотрелись вместе.

— До чего же статная пара, — восторженно выдохнул Сюй Буэ. — Если бы не... глаза... — он на мгновение запнулся, но тут же добавил: — Впрочем, неважно. Гляжу на них и думаю: лучшей пары и не сыскать!

Лу Сяофэну эти речи пришлось не по вкусу. В душе шевельнулось глухое раздражение. Следуя логике Сюя, выходило, что в этом подлунном мире глухому в жёны полагается лишь глухая, немому — немая, а тот, кто бьёт свиней, обречён век коротать с той, что режет овец? Он

понимал, что Сюй Буэ хвалит их от чистого сердца и без злого умысла, но всё же слова его коробили.

— Видел я сегодня у городских ворот Чжана Второго, — вкрадчиво начал Лу Сяофэн. — Тот носился за своей старой свиноматкой и охаживал её палкой так неистово, что сердце кровью обливалось. Спросил я, за что же он её так? А старик отвечает: «Тварь эта вечно голодная, всё, что видит — жрёт, все запасы в доме извела».

Он повернулся к Сюй Буэ:

— Послушай, брат Сюй. Будь эта свинья человеком, она бы, верно, нашла себе супруга под стать, с таким же завидным аппетитом, и не знала бы горя под палкой старика.

Сюй Буэ был человеком прямым, но отнюдь не глупым. Намёк он уловил мгновенно. Тягаться в острословии с Лу Сяофэном ему не хотелось, однако он помрачнел.

— Раз так, — хмуро бросил он, — господину Лу следовало бы выкупить её у того старика. У такой свиньи, как она, не было бы лучшего защитника, чем Великий герой Лу.

«У свиньи и друзья — свиньи», — таков был нехитрый подтекст его слов. Лу Сяофэн, распознав насмешку, лишь расхохотался:

— Ха-ха-ха! То-то я гляжу, столько людей мечтает со мной водить дружбу. Разумеется, я не дам своим друзьям страдать!

Сюй Бусю не выдержал и прыснул со смеху. Сюй Буэ понял, что проиграл этот раунд вчистую. Он вспомнил, как совсем недавно сам набивался в друзья к Лу Сяофэну, а теперь тот обернул это против него же. Лезть в словесную перепалку с этим человеком, особенно когда он сам ищет повода — дело безнадёжное. С Лу Сяофэном не сладил бы ни Сыкун Чжайсин, ни даже Лаоши Хэшан, куда уж простому Сюй Буэ.

— Лу Сяофэн — Четыре брови... Да тебе больше подошло бы имя «Лу Сяофэн — Четыре языка», — буркнул Сюй и развернулся к выходу. — Брат Сюй, пойду велю приготовить вина и лучших закусок. Хоть главы и нет, нельзя же обижать гостей такого разряда.

Кивнув Сюй Бусю, он вышел, не оглядываясь.

Лу Сяофэну полегчало. Теперь, в таком расположении духа, он бы с улыбкой съел эти закуски, даже подмешал туда Сюй Буэ полфунта сонного зелья или добрую порцию яда. Ему вдруг стало удивительно легко на сердце. Похлопав Е Букэ по плечу, он невзначай бросил:

— А дева Шэнь — истинная красавица, каких поискать.

Е Букэ стал ещё бледнее.

— Истинная правда, — коротко отозвался он. Всего два слова. Никаких восторгов.

Казалось, разговор с Лу Сяофэном тяготит его.

— Прошу простить, — внезапно добавил он, — я почувствовал лёгкое недомогание. Позвольте мне откланяться до ужина.

Когда и он ушёл, в зале остались лишь Сюй Бусю и Лу Сяофэн. Тот развёл руками:

— Что ж, господин, выходит, коротать время вам придётся в моей компании.

Хуа Маньлоу и не догадывался, что из троих оставшихся в зале Лу Сяофэн уже успел выкурить двоих. Он шёл следом за Шэнь Бумянь — якобы за тем самым бальзамом.

Шэнь Бумянь ступала неспешно, и Хуа Маньлоу не торопился. Эта неторопливость позволяла ему вдыхать свежий аромат цветов из сада и едва уловимый, горьковатый запах целебных трав, доносившийся из коридоров. Лекарская комната в этом доме и впрямь была, но Шэнь Бумянь вела его вовсе не туда. Хуа Маньлоу не задавал вопросов, просто следовал за ней.

Наконец она остановилась перед дверью небольшого покоя. Путь занял слишком много времени, чтобы это место можно было принять за обещанный «боковой покой».

— Пришли. Прошу вас, молодой господин Хуа, входите, — произнесла она и толкнула дверь.

Ступала она легко, словно бабочка, впорхнувшая в комнату. Хуа Маньлоу замер на пороге. Впервые в его душе шевельнулось сомнение. Будь он подозрителен, вовсе не пошёл бы за ней, но сейчас медлил. Он понял: перед ним её спальня. Хуа Маньлоу не хотел, чтобы его аура хоть тенью легла на её доброе имя.

Шэнь Бумянь почувствовала его заминку:

— Господин Хуа, уверяю, у меня нет дурных помыслов. Если вы доверяете мне — сделайте шаг.

И Хуа Маньлоу вошёл. Он всегда предпочитал доверять людям.

— Присаживайтесь, — мягко сказала она.

Нащупав стоящий посреди комнаты стул, Хуа Маньлоу сел. Лишённый зрения, он никогда не промахивался мимо сиденья. Лу Сяофэн как-то подшутил над ним, сказав, что мечтает увидеть тот день, когда Хуа по ошибке усядется на колени какой-нибудь красавице. Вспомнив эту шутку, Хуа Маньлоу невольно улыбнулся.

— Господин Хуа, то, что я ранила вас давеча... это было против моей воли. — Голос её звучал так вкрадчиво и нежно, что в нём слышалась почти детская беззащитность.

— Я не держу на вас зла, — отозвался он с улыбкой.

Внезапно Шэнь Бумянь спросила:

— Говорят, молодой господин Хуа способен по звуку определять место каждой вещи и обладает пронизательным умом. Можете ли вы угадать, где мы сейчас?

— В вашей опочивальне, — ответил он.

— Вы ведь прежде не бывали в Тереме, подпирающем небеса. Как же вы догадались?

Хуа Маньлоу усмехнулся:

— Дева Шэнь, знаете ли вы, какой аромат исходит от вас самих?

Она покраснела. Вопрос был невинным, но для девушки всегда волнительным.

— Стоило войти в эту комнату, как запах, витающий здесь, слился с вашим собственным в единое целое. Лишь в покоях, где женщина проводит каждый свой день, всё вокруг может так пропитаться её существом.

— И... чем же я пахну? — не удержалась она.

— Очень тонким, едва уловимым благоуханием. Похоже на запах утренней росы. Полагаю, вы не жалуете пудру и белила. Это очень приятный запах.

Шэнь Бумянь всё ещё пылала румянцем. Она улыбнулась, и эта улыбка была прекрасна, как первый весенний цветок. Жаль только, что оба они не могли этого видеть.

— Я пригласила вас сюда по другому делу, — заговорила она наконец. — Сама я не принадлежу к тем, кто смыслом жизни избрал путь меча, и нет во мне рвения к битвам. Я лишь прошу позволить мне исполнить для вас танец с мечом. В знак благодарности.

Хуа Маньлоу был удивлён. Он и представить не мог, что она зазовёт его в свою спальню ради танца. Однако он кивнул.

Шэнь Бумянь извлекла Парные мечи. Точнее, теперь в её руках был лишь один. Казалось, она позабыла, что Хуа Маньлоу слеп. Казалось, она забыла и о собственной слепоте. Она вскинула клинок и начала движение.

Будь здесь Лу Сяофэн, он бы не смог отвести от неё взгляда. Как и любой другой мужчина. Она была подобна облаку, летящему на заре, а её меч — сиянию, пронзающему это облако. В этом союзе рождалось нечто невообразимое. Не меч — шёлковая лента в руках небожительницы, готовой вот-вот вознестись за пределы небесных чертогов!

Внезапно она запела, и слова Лю Юна потекли в тишине комнаты:

«Дождь стих, и тучи разошлись вдали...

Стою у перил, провожая осенний свет.

Увядает природа, и грусть Сю Юя в сердце теснит.

Воды легкий бриз, цветы на воде стареют...

Холод лунной росы, лист платана желтеет.

Терзает печаль: где же ты, старый друг?

Лишь дымка над гладью бескрайних вод...»

Она исполняла танец бессмертных, но пела песнь о земной скорби. И этот танец, начавшись в эмпиреях, вернулся в мир людей, чтобы выплакать всю человеческую печаль. Когда последние движения затихли, в воздухе ещё долго дрожало эхо этой тихой, щемящей нежности.

— Вашему мечу полагается быть именно таким, — вздохнул Хуа Маньлоу. Это не было оружие для убийства. Это была сама красота.

— Мой танец... — тихо спросила она, — сравнится ли он с искусством госпожи Гунсунь?

«Прежде жила красавица из рода Гунсунь, и танец её меча потрясал четыре стороны света...»
— так писал великий Ду Фу.

Хуа Маньлоу улыбнулся:

— Я не видел танца госпожи Гунсунь, но мне думается, что вы прекраснее её.

Шэнь Бумянь негромко рассмеялась:

— Дружба с Лу Сяофэном не пошла вам на пользу, господин Хуа — вы научились у него этим сладким речам. Не знаю, радоваться ли мне или огорчаться.

— Для меня это во благо, для него — во вред, — парировал Хуа.

Шэнь Бумянь снова засмеялась, и смех её рассыпался по комнате серебряным звоном колокольчиков на ветру — так чисто и легко он звучал. Она подошла ближе.

— Господин Хуа, признаться, я думала, вы не решитесь войти в мою комнату.

Хуа Маньлоу не шелохнулся:

— Быть может, у вас на сердце лежала некая печаль, которой вы хотели поделиться?

Она качнула головой:

— У меня давно нет никакой печали. — Она вздохнула. — Встреть я вас раньше, печали бы и вовсе не было места, осталась бы одна радость. Впрочем, и теперь не поздно. Сегодня я по-настоящему счастлива.

Она добавила:

— Прежде никто не позволял мне нанести удар по доброй воле.

— Всегда найдётся тот, кто готов на это, — ответил он.

Достав из рукава фарфоровый флакон, Шэнь Бумянь протянула его Хуа Маньлоу:

— Здесь лучший бальзам Терема, подпирającego небеса. Стоит приложить его к ране, и через час она затянется. Прошу вас, примите его.

Хуа Маньлоу взял флакон. Шэнь Бумянь накрыла его ладонь своей. Её пальцы были тонкими и пугающе холодными — этот холод невольно отозвался щемящей болью в его сердце.

— Прошу, сберегите его. Не дайте моему подарку пропасть втуне.

В его ладонь, помимо флакона, скользнула маленькая, твёрдая бусина. Ледяная, гладкая... Хуа Маньлоу сразу узнал её — это была бусина нефритовых четок. Он не стал отказываться.

— Благодарю за вашу доброту, дева Шэнь.

Он спрятал флакон и бусину в рукав, и рука Шэнь Бумянь соскользнула с его ладони.

— Господин Хуа, — улыбнулась она, — будь вы Лу Сяофэном, всё было бы куда проще.

Хуа Маньлоу не смог бы отказать ей в просьбе. А Лу Сяофэн никогда бы не отверг такую девушку.

— Одного Лу Сяофэна на этот мир вполне достаточно, — ответил Хуа.

— Вот почему вам не стоит водить с ним дружбу. В конце концов, он навлечёт на вас беду.

Теперь её слова не походили на шутку. Хуа Маньлоу хотел было возразить, но чутьё подсказало ему: что-то изменилось. Он встал, повернувшись к ней. Что-то было не так. Совсем не так.

— Господин Хуа... на самом деле... моё родовое имя... не... — прошептала она.

Она не договорила. Она всё ещё слабо и нежно улыбалась. Медленно, точно подрубленный цветок, она склонилась к нему и упала на руки Хуа Маньлоу. Будто бабочка, решившая напоследок присесть на его плечо.

— Дева Шэнь? Шэнь Бумянь! — вскрикнул он.

Он коснулся запястья, ища пульс. Тишина. Ни толчка крови, ни слабого биения жизни. Она завяла в одно мгновение. Она больше никогда не откроет своих прекрасных, пустых глаз. Тьма, в которой она жила, окончательно поглотила её.

Хуа Маньлоу вдруг подумал, что ему, возможно, не следовало приходить сюда. Не явись он — и она, быть может, всё ещё цвела бы под этим небом. Но время, как и река, вспять не течёт.